

МЕТОДИЧЕСКИЙ АРСЕНАЛ ФОНОСЕМАНТИКИ

// Методология современного языкознания: Сборник статей / Отв. ред. А.Г.Сонин, А.С.Баранов. – М.: АСОУ, 2010. С.122-141. http://amikhalev.ru/?page_id=335

Пожалуй, одним из первых вопросов, ставившихся на заре появления языкознания, был вопрос о сущности слова. Наиболее древние исторические памятники письменности, описывавшие человеческий язык, так или иначе касались проблемы соотношения формы слова, его составляющих и значения. И в древнееврейском мистическом учении Каббала, и в сакральных текстах Упанишад, и в рунах Викингов уделяется внимание особой символической функции букв (отличие между фонетической и графической стороной языковых элементов не проводилось). Обзор этого аспекта можно встретить в диссертации Штефана Этцеля (Etzel 1983) и в работах Маргарет Магнус (Magnus 1998; 1999; 2000).

В Древней Греции проблема соотношения внешней (формальной) и внутренней (семантической) сторон слова тесно переплеталась с вопросом о происхождении языка. Философы, обсуждавшие эту проблему, разделились на два лагеря. Одни утверждали, что имена объектов основываются на их природе (*фюсей*), имена есть «подражание» природе вещей, выражение их скрытой сути. Другие, наоборот, полагали, что обозначение объектов человеком носит договорный характер (*месей*).

Основателем «природной» теории стал пифагорейский философ Гераклит, для которого слова являются «тенью» вещей, их образом, подобно отражению деревьев и гор в реке. Последователи Гераклита при попытке ответа на вопрос, каковы были первые слова, разделились на два лагеря. По мнению одних, первые слова были подражаниями звукам, издаваемым объектами живой и неживой природы, и эти слова остались именами живых существ и вещей (звукоподражательная теория). По мнению других, первые слова возникли на основе бессознательно издаваемых звуков, которые выражали различные состояния души и впечатления человека. Позднее эти невольные крики стали именами реальных, которые вызвали эти состояния души, впечатления и т. д. (теория междометий).

Философ-материалист Демокрит приводил против теории *фюсей* следующие аргументы: некоторые различные вещи обозначаются одним и тем же словом (омонимы), иногда также один и тот же предмет обозначается различными словами (синонимы). Таким образом, имя не отражает качества объекта, одно имя может с течением времени заменяться другим. Это не было бы возможным, если бы имя закрепляло за предметом какие-либо свойства. Для Демокрита ясно, что имена утверждены человеком произвольно, по договору. Тем не менее, он идет на уступки природной теории, когда признает, что некоторые первые слова являются отражением,

образом вещей и возникли естественным путем (звукоподражательная теория происхождения языка).

Первой научной работой, посвященной фоносемантической проблематике, можно считать диалог Платона «Кратил», где философ рассуждает о правильности первых имен и отвергает их божественное происхождение:

«Сократ: Смешным, думается мне, Гермоген, может показаться, что вещи становятся ясными, если изображать их посредством букв и слогов; однако это неизбежно так. Ведь у нас нет ничего лучшего, на чем мы могли бы проверить истинность первых имен, если только ты не хочешь, чтобы мы, подобно сочинителям трагедий, которые, находясь в затруднении, прибегают к машинам, поднимая на воздух богов, – чтобы и мы выпутались, сказав так, что первые имена установлены богами, и поэтому они правильны».

Процесс возникновения первых имен он представляет следующим образом:

«Сократ: Думается, если бы мы желали показать высокое и легкое, то мы подняли бы руки к небу, подражая самой природе вещи, а если нижнее и тяжелое, то опустили бы руку к земле. И если бы желали показать бегущую лошадь или какое-нибудь другое животное, то ты знаешь, мы сделали бы наши тела и внешний вид возможно более похожими на них.

Гермоген: Мне кажется, неизбежно было бы так, как ты говоришь.

С.: Так, думается, происходило бы показывание чего-нибудь – по-видимому, наше тело подражало бы тому телу, которое оно хочет показать.

Г.: Да.

С.: А раз мы хотим показывать голосом, языком и ртом, то разве показывание каждой вещи этими средствами получится не тогда, когда с их помощью будет происходить подражание чему бы то ни было?

Г.: Да, неизбежно так, мне кажется.

С.: Значит, по-видимому, имя есть подражание голосу того, чему имя подражает, и тот показывает, кто подражает голосом тому, чему он подражает» (Античные теории языка и стиля, сс.46-47).

То, что Гермоген только поддакивает, входит в замысел «диалога». Диалог – здесь только предлог. На самом деле Сократ диалогизирует сам с собой: Кратил и Гермоген для него – просто статисты. Основная мысль, которую проводит в этом пассаже Сократ – это принцип имитации, лежащий

в основе первичного наименования. Он переносит естественную кинесическую имитацию (подражание телом) на подражание вербальными средствами (голосом, языком и ртом). Однако логический анализ последней реплики-вывода, скорее, уводит от этой мысли. Имя (А) есть подражание голосу (В). Голос (В) принадлежит кому-то (чему-то) (С). Если кто-то (D) подражает голосом (Е) кому-то (чему-то) (С), то он (D) показывает (видимо, на С). Получается, что для процесса наименования нужно два голоса: В и Е. Первый принадлежит объекту подражания (С), а второй – субъекту (D). Поскольку голос есть атрибут только живого существа, то, следовательно, речь идет здесь о наименованиях животных. Но это не единственная область первичной номинации.

Далее Сократ (он же Платон) уже не говорит об одушевленных объектах подражания, а о способности речевых звуков подражать разнообразным понятиям и признакам, звучащим и незвучащим: ρ (ро) передает идею движения в таких словах, как *ρεῖν* «течь», *ροή* «течение», *τρόμος* «дрожь», *τρέχειν* «бежать», *κρούειν* «стучать», *θραύειν* «ломать», *ερείκειν* «сокрушать», *θρύπτειν* «крошить», *κερματίζειν* «раздроблять», *ρύμβειν* «кружить». Буквы φ (фи), ψ (пси), σ (сигма), ζ (зита) имеют характер дуновения и передают значения холодного (*ψυχρόν*), кипящего (*ζέον*), сотрясения (*σειέσθαι*) и трясения (*σεισμός*). Сжатие и упирание языка при произнесении букв δ (дельта) и τ (таф) подражают оковам (*δεσμός*) и остановке (*στάσις*). Скольжение λ (лямбда) уподобляется гладкому (*λεία*), скользить (*ολισθάνειν*), лоснящемуся (*λιπαρόν*), склеивающемуся (*κολλώδες*). Большое символизирует α (альфа); округлое – ο (омикрон) (Античные теории языка и стиля, 49). При этом, как видно особенно в случаях с ρ (ро), имитирующий звук не обязательно занимает начальную позицию в слове – он может быть и в консонантном звукосочетании (*τρ-*, *κρ-*, *θρ-*), и после первого гласного (*ερ-*), и замыкать первый слог (*κερ-*).

Вместе с тем Платон отдает себе отчет, что не все слова могут быть истолкованы с точки зрения подражательной теории: слова, производные от первичных подражательных, могут потерять эту видимую связь между звучанием и предметом, и тогда вступает в силу условность (т.е. произвольность).

Большое внимание связи между звуком и значением уделяли стоики. Первые звуки, согласно стоикам, подражали вещам, причем подражание это мыслилось как звукоподражание, непосредственное или опосредованное сходством звукового впечатления (грубость, мягкость, сила и т. д.) с впечатлением, доставляемым вещью (Античные теории языка и стиля, 79-84).

В Средние века и в эпоху Возрождения та же проблема периодически всплывает в различных мистических и религиозных текстах, не получая все же достаточно убедительной аргументации ни с одной (*флюсей*), ни с другой

(*тесей*) стороны. Большинство философов, находясь под сильным влиянием Аристотеля, продолжают придерживаться взгляда о немотивированности фонетического слова его значением и обозначаемым предметом.

Тема, поднятая в III в. до н.э. Платоном, получила замечательное развитие в философско-языковой концепции Готфрида Вильгельма Лейбница почти двадцать веков спустя. Заимствовав не только проблему, обсуждаемую Платоном, но и сам жанр диалога, Лейбниц настойчиво придерживается мысли о естественной связи между звучанием слова и обозначаемым предметом. Однако его размышления далеки от прямолинейности. Говоря современным языком, Лейбниц различает синхроническое и диахроническое понимание языка. С точки зрения первого, слова произвольны: они являются для людей «знаками их идей». Однако по происхождению, «в основе они все же имеют в себе нечто первичное, обнаруживающееся в них в связи с возникновением новых коренных слов, образовавшихся в них впоследствии случайным образом, но по физическим основаниям» (Лейбниц, 279). Там, где Платон останавливается, теряя из вида мотивированность слова, Лейбниц удерживает нить преобразующегося значения – от чисто звукоподражательного «квакать» до понятий «жизнь, живое», «быстрый», привлекая для примеров слова со сходными корнями в родственном немецкому языках. Философ указывает на естественное изменение первоначальных значений слов благодаря действию метафоры, синекдохи и метонимии, которые и «уводят» слово в стан произвольности. Пожалуй, именно Лейбницу первому или одному из первых принадлежит мысль о множественности выбора из звуковых символических возможностей. Так, буква *г* употреблялась древними германцами, кельтами «для обозначения бурного движения и шума, который производит этот звук». Однако в нижнесаксонском наречии он находит целый ряд слов, начинающихся на *г* и обозначающих «растягивание», «длину», «богатство, знатность» (Лейбниц, 280). Основная мысль, которую подспудно проводит Лейбниц, это зависимость символических значений звука от способа его артикуляции, притом, что сам способ артикуляции может быть осмыслен по разным основаниям.

В XVIII в. фоносемантическую традицию продолжают видные французские классицисты Ш. де Бросс, К. де Жеблен, Ш. Нодье.

Шарль де Бросс в своем «Трактате о механическом образовании языков» доказывал, что ранее существовал абсолютный язык, который был органичным, материальным и мотивированным. В этом первобытном универсальном языке звук полностью соответствовал значению слов (Михалёв 1997, 26).

Клод де Жеблен писал, что речь является ни чем иным, как изображением идей, а идеи – изображением объектов; таким образом, должна

существовать естественная связь между словами и идеями, которые они представляют, как существует она между идеями и объектами. Он считает, что то, что изображено, не может быть произвольным – оно всегда детерминировано природой изображаемого объекта. Люди, таким образом, были вынуждены для выражения предмета или мысли выбирать звук, наиболее аналогичный этому предмету, этой мысли (там же).

Шарль Нодье усматривает подражание письменными знаками самих звуков, хотя и не без посредничества экстралингвистических объектов, с которыми эти звуки тесно связаны в ментальном представлении. Так, в качестве примеров приводятся латинские буквы S и Z, повторяющие форму змеи и произносящиеся, следовательно, со свойственным для змеи звуковым признаком – шипением; буква T напоминает молоток, издающий стук, который воспроизводится звуковым воплощением графического символа; буква B подражает форме губ, которые участвуют в произношении соответствующего звука; O изображает округлость губ, необходимую для артикулирования этого гласного (там же)[1].

Говоря о русских ученых, уделявших внимание данной проблеме, нельзя не упомянуть о М.В. Ломоносове, писавшем, что в русском языке частое повторение «письмени *a* способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного страха; учащение письмен *e*, *и*, *h*, *ю* – к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей; чрез *я* показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность» (Ломоносов, 241-242). По Ломоносову, гласные *o*, *у*, *ы* выражают гнев, зависть, боязнь и печаль. Твердые *к*, *п*, *т* и мягкие *б*, *г*, *д* изображают тупость, лень и глухие звуки, например, стук строящихся городов и домов, конский топот и крик некоторых животных. Твердые спиранты *с*, *ф*, *х*, *ц*, *ч*, *ш* и вибрант *р* «могут спомоществовать к лучшему представлению вещей и действий сильных, великих, громких, страшных и великолепных» (там же). Однако ученый считал, что подробный анализ значимых фонем труден и не совсем нужен, т.к. любой человек, обладающий известной долей слуха, может употреблять эти фонемы в речи по своему усмотрению.

Одним из горячих сторонников мотивированности отношений между звуком и значением являлся Вильгельм фон Гумбольдт, выделявший три способа обозначения понятий. По мнению Гумбольдта, первый способ – *живописный* – заключается в непосредственном подражании, «когда звук, издаваемый предметом, имитируется в слове настолько, насколько членораздельные звуки способны передать нечленораздельные». Второй способ, названный Гумбольдтом *символическим*, «основывается на подражании не непосредственно звуку или предмету, а некому внутреннему свойству, присущему им обоим». Третий способ – *аналогический*, строящийся на сходстве звуков в соответствии с родством обозначаемых

понятий, является наиболее плодотворным, т. к. строится уже на готовом инвентаре звуковых единств, созданных первыми двумя способами (Гумбольдт, 92-94). Согласно Гумбольдту, каждое понятие обязательно должно быть внутренне привязано к свойственным ему самому признакам или к другим соотносимым с ним понятиям, в то время как артикуляционное чувство (Artikulationssinn) подыскивает обозначающие это понятие звуки.

В 1891 г. Георг фон Габелентц в своей работе «Языкознание. Его задачи, методы и результаты» рассматривает среди прочих вопрос о происхождении и развитии языка, который он представлял следующим образом: первичное звукоподражание, например, НауНау для обозначения лая собаки, может иметь следующие значения: «Собака лает», «Лающая собака», «Лай собаки». Любопытство вызывают различные вопросы: «Какая собака лает?», «Почему?» и т.д. Из этого следует, что речь должна содержать больше информации. Это достигается путем использования сопроводительной жестикуляции, различной высоты тона. Звуки и тоны праязыка предположительно были довольно многообразны, равно как и окружающая действительность, также существовала непростая система фонем и многосложные слова. Кроме вопроса о происхождении языка Габелентц касался проблемы овладения речью детьми, и связи между фоносемантикой, с одной стороны, и этимологией – с другой (Gabelentz 1891).

Более глубокое психологическое осмысление проблемы происхождения языка и естественной мотивированности слова принадлежит видному немецкому психологу Вильгельму Вундту. Его знаменитая теория «жестового происхождения языка» (Вундт 1865-1866; 1896) не раз подвергалась критике с точки зрения социальных теорий, руководствовавшихся работой Ф.Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1876). На самом деле, одна теория не исключает другую. Напротив, они находятся, скорее, в дополнительных отношениях: теория Энгельса объясняет, как через усложнение труда и все возрастающую его коллективность происходит становление человеческого мышления, тогда как Вундт пытается вскрыть динамику семиозиса в человеческом обществе, отталкиваясь от наиболее наглядных знаков в человеческой коммуникации – жестов. Его мысль о преобразовании мануальных и мимических жестов в жесты речевые (языковые) находит значительную поддержку в современной фоносемантике (Воронин 1982; Михалёв 1995; Allott 1989).

В начале XX в. интерес к проблеме взаимосвязи звука и значения был существенно ослаблен появлением новой парадигмы в языкознании – структурализмом Ф. де Соссюра и его главным принципом произвольности языкового знака. С другой стороны, зарождение психолингвистики в 20-30-х гг. как объективного инструмента исследования человеческого языка посулило новые возможности для разгадки вечного вопроса. Именно с этого

времени отмечается подъем экспериментальных изысканий в области языкового звуко-символизма, пионером которых считается Эдвард Сепир.

Э. Сепир (Sapir 1929) опросил около 500 испытуемых – взрослых и детей, используя формулировку «что больше?» или «что меньше?» применительно к парам односложных искусственных слов типа *mal – mil, mel – mil, mol – mil* и т.д.; таким образом, создавались вокалические контрасты. Испытуемым говорилось, что слова взяты из неизвестного языка и обозначают предметы, различающиеся по величине; следовало определить какое из слов соответствует большему предмету, а какое – меньшему. Результаты оказались красноречивыми: 83% детей и 96% взрослых соотнесли *i* с меньшими размерами, а *a* – с большими.

Методика Сепира сразу же была принята на вооружение для исследования других символических измерений гласных и согласных. С. Ньюмен (Newman 1933) попытался изучить символические возможности согласных и открыл новую оппозицию «светлый – темный». М. Шастен (Chastaing 1964) исследовал символическую значимость звонких и глухих согласных применительно к понятиям тяжести, величины, мягкости и долготы. Дж. Вайс (Weiss 1964) выяснил постоянное соответствие понятийных оппозиций «большой – малый», «темный – светлый», «круглый – угловатый» с оппозицией гласных заднего и переднего ряда. Все эти и многие другие эксперименты с искусственными словами (Usnadze 1924; Natadze 1966; Fox 1935; Köhler 1929 и др.) в целом подтвердили интуитивную гипотезу о существовании психологических корреляций между звуками языка и определенным кругом понятий.

Параллельно с исследованиями подобного рода психолингвистические эксперименты распространились на реальный материал существующих языков, преимущественно экзотических для западноевропейского ареала. Образцом межъязыкового подхода послужил эксперимент Цуру-Фрайса (Tsuru, Fries 1933). Исследователи составили список из 36 пар японских антонимов («горячий – холодный», «высокий – низкий» и т.д.) и предложили 57 испытуемым с родным английским языком и незнакомым для них японским дать соответствующие антонимические пары в английском языке. Результаты оказались превышающими случайные, что привело ученых к предположению об универсальности фоносемантических тенденций.

Упрочили это предположение эксперименты Дж. Олпорта (Allport 1935), повторившего ту же методику, но уже с материалом венгерского языка, и Р. Брауна, А. Блэка, А. Хоровица (Brown, Black, Horowitz 1955), подключивших китайский, чешский и хинди. Результаты снова продемонстрировали неслучайный и универсальный характер фоносемантических корреляций.

Привлечение все большего языкового материала в сочетании с методикой искусственных слов практически доказали существование универсального звуко-символизма в человеческом языке.

В новейшее время, 2-я половина XX века и начало XXI, исследования соотношения «звук – значение» продолжают и множатся по всему миру, развивая два установившихся подхода: лексико-семантического и психолингвистического.

В отечественном языкознании, пожалуй, первым после А.А.Потебни ученым, осмелившимся научно доказать звукоизобразительное происхождение языка, был А.М. Газов-Гинзберг с его небольшим по объему, но очень глубоким трудом «Был ли язык изобразителен в своих истоках?» (1965). Изучив звуковое строение и семантику прасемитских корней, исследователь находит акустико-артикуляционные основания для символизации определенных действий и признаков, а также показывает эволюцию первоначальных значений через семантические преобразования.

С конца 60-х гг. фоносемантические исследования как в диахроническом, так и в синхроническом планах продолжает Виктор Васильевич Левицкий. Отмечая существенное различие между субъективным символизмом (выявляемая экспериментальным путем связь определенных звуков и значений в психике человека) и объективным символизмом (связь определенных звуков и значений в словах того или иного языка), В.В. Левицкий кропотливо исследует оба этих аспекта. При этом анализу подвергаются не собственно звуки или фонемы, а дифференциальные признаки фонем. Так, в аспекте субъективного символизма, обобщив предыдущие межъязыковые экспериментальные данные и дополнив их своими собственными, ученый обнаруживает, следующие корреляции между понятиями и дифференциальными признаками:

Понятия	Дифференциальные признаки
«Большой»	звонкость, дрожание, задний ряд, нижний подъем
«Маленький»	глухость, латеральность, передний ряд, верхний подъем, средний подъем
«Сильный»	звонкость, смычно-фрикативность, взрывность, дрожание, задний ряд, лабиализованность
«Слабый»	глухость, сонорность, латеральность, передний ряд, нелабиализованность

«Быстрый»	смычность, взрывность
«Медленный»	сонорность, фрикативность

Обширные межъязыковые данные позволяют ученому сделать вывод о межнациональном характере субъективного символизма не только по ранее установленной шкале размера, но и по другим шкалам (Левицкий 1998, 27).

В области объективного звуко-символизма В.В. Левицкий также существенно обогащает наработанные ранее выводы. Применяя экспериментально-статистический метод к анализу словарного состава 53 родственных и неродственных языков, ученый приходит к следующим результатам:

«1. Наибольшим символическим потенциалом в естественных языках обладают гласные [i] и [a] и согласные [l], [r], [t], [m], [p].

2. Наибольшей символической активностью обладают шкалы: твердости [мягкий – твердый], гладкости [гладкий – шероховатый], активности [медленный – быстрый], света [светлый – темный], формы [острый – тупой], размера [маленький – большой]; наименьшей – шкала температуры и оценки.

3. Роль гласных и согласных в символизации различных шкал не одинакова, т.е. шкалы различаются своей вокалической и консонантной активностью. Так, гласные символизируют в первую очередь активность, форму, размер, а согласные – твердость и гладкость.

4. Между шкалами наблюдается (хотя и не во всех случаях) статистически значимая корреляция. Это означает, что сходные семантические единицы символизируются в различных (неродственных) языках сходными фонетическими единицами.

5. Распределение частот звуков в словах, обозначающих сходные или тождественные понятия в неродственных языках, носит неравномерный характер. Соответствующий анализ позволяет установить статистические звуко-символические универсалии. Например, понятие размера символизируется с помощью звуко-символических оппозиций [верхний подъем – нижний подъем] (для гласных), и [звонкость – глухость], [латеральность – дрожание] (для согласных) и т.д.

6. Различные признаки обладают неодинаковым символическим потенциалом. Признаки гласных распределяются в порядке убывания следующим образом: верхний подъем, нижний подъем, средний подъем,

лабиализованность, задний ряд, передний ряд, нелабиализованность. Признаки согласных распределяются так: латеральность, дрожание, переднеязычность, глухость, смычность, губность, фрикативность, звонкость, палатализованность, сонорность, заднеязычность, смычно-фрикативность (т.е. аффрикаты).

7. Полюса одной и той же шкалы обладают различной символической активностью. Большей активностью обладают: «маленький», «сильный», «мягкий», «легкий», «хрупкий». Полюса шкал активности («быстрый», «медленный») и формы («острый», «тупой») обладают приблизительно равной символической активностью» (Левицкий 1998, 45-46).

Проводя различие между собственно фонологическими оппозициями, которые В.В. Левицкий называет коммуникативными, и звукосимволическими (экспрессивными), автор выводит отсюда два важных следствия:

1. Звуковой символизм носит не абсолютный, а относительный характер (определенные звуки имеют символическое значение лишь постольку, поскольку им противопоставлены какие-либо другие звуки).

2. Экспрессивные (зукосимволические) оппозиции в том или ином языке, по-видимому, не всегда совпадают с коммуникативными (т.е. принятыми в фонологии) оппозициями в том же языке.

Последнее следствие открывает широкие перспективы исследования экспрессивных оппозиций специфических «национальных» и межнациональных (универсальных) (с.52).

В 1974 г. выходит в свет монография А.П. Журавлева «Фонетическое значение» (Журавлев 1974). Автор применяет метод «семантического дифференциала» Ч. Осгуда к звукам русского языка. Испытуемым предлагалось оценивать звуки по 3-балльным шкалам в ассоциации с понятиями «большой – малый», «приятный – неприятный», «горячий – холодный», «грубый – нежный», «высокий – низкий» и т.д. В результате обнаружили определенные «предпочтения» звуко-смысловых соответствий, выраженных количественно. Каждому звуку было приписано определенное место в смысловом пространстве предложенных шкал. Причем наиболее релевантными были признаны шкалы «сила», «активность», «оценка». Практической верификацией выводов А.П. Журавлева стала «обратная сборка» слов из полученных фоносемантических соответствий и получение обобщенного фонетического значения (ореола) слова. Так, например, вычисленное фонетическое значение слова *жаба* составляют такие параметры: «теплое», «активное», «печальное». Невольно возникает вопрос: какой из этих параметров наиболее ярко представляет денотативные

свойства объекта? Приходится признать, что, несмотря на соблазн использовать прием суммирования отдельных звуко-семантических ассоциаций в результирующее общее фонетическое значение слова (Черепанова 1996), остается опасность субъективной интерпретации конечного коннотативного целого.

Экспериментальная методика, примененная А.П.Журавлёвым, нашла свое продолжение и в новейший период, уже в аспекте звуко-цветовой ассоциативности. И хотя начало исследования этого объекта было положено всё тем же ученым, более скрупулезный анализ и современные достижения компьютерной техники позволили Л.П.Прокофьевой расширить его горизонты до проблематики звуко-цветовой картины мира: индивидуальной, национальной и универсальной (Прокофьева 2007).

Вслед за Журавлёвым, Л.П.Прокофьева выделяет в качестве единицы исследования звукобуквы, или графоны — синестетические аудио-визуальные образования, гипотетически обладающие семантическими свойствами, в том числе и хроматическими коннотациями. За основу принят ассоциативный эксперимент: опрос информантов на предмет ассоциирования той или иной звукобуквы с тем или иным цветом. Для большей степени надежности выводов Л.П.Прокофьева предприняла повторение эксперимента через 10 лет, а для выяснения национальной специфики звуко-цветового восприятия привлекла русско- и англоязычных информантов.

Разумеется, первый вопрос, который интересует ученого, — есть ли общие тенденции в звуко-цветовой картине мира различных лингвокультур? Оказалось, что есть, и проявляются они прежде всего в интерпретации графонов А, О и М (стр.139-140). Статистическое большинство русско- и англоязычных респондентов при оценке цвета А отдали предпочтение красному, О — белому. Это обстоятельство побуждает автора к предположению об универсальности этих звуко-цветовых соответствий, к тому же о первооснове самих этих цветов в эволюции цветовосприятия человечества. Тем более, что само звуко сочетание АОМ невольно ассоциируется с верховной магической мантрой «ОМ», воплощающей в себе изначальную энергию-первопричину бытия и результат — созданную Вселенную. Не ставя перед собой задачу обстоятельной критики безусловно выдающегося труда Л.П.Прокофьевой, все же мы не можем удержаться от ряда вопросов, возникающих, в частности, по данному эпизоду. Первое, что, конечно, настораживает в выводах — это универсальность. Ясно, что сравнительный анализ двух языков и лингвокультур, хоть и не близко, но родственных, не дает таких оснований. Больше шансов для подобных выводов дало бы привлечение таких языков, как арабский, иврит, корейский и др. с другими звукобуквенными связями. То, что А и О достаточно

репрезентативно коррелируют с красным и белым цветом, так же не является аргументом ни для гипотезы об их прототипическом статусе в звукообразовании, ни об аналогичном прототипическом статусе белого и красного (тоже гипотеза!) в цветообразовании. Кроме того, если обратить внимание на удельный вес звуко-цветовых корреляций у А и О, то заметно, что ассоциирование красного цвета с А более «уверенно» (60% — рус., 43% — англ.), чем белого цвета с О (35% — рус., 25% — англ.). Что уже говорить об М, которому 36% русскоязычных информантов приписали красный цвет, а англоязычные почти поровну проголосовали за красный (22%) и голубой (25%). По большому счету, дальнейшее описание результатов по остальным звукам и звукобуквам свидетельствует, скорее, о различиях, нежели о сходствах в звукоцветовом восприятии русско- и англоязычных лингвокультур, а также о сильном влиянии фонетического состава слов-цветообозначений на звуко-цветовое ассоциирование.

Мысль А.П.Журавлёва о возможности диагностирования цветовой окраски художественного текста Л.П.Прокофьева развивает, используя собственные специальные компьютерные программы в приложении к различным видам текстов. Главным критерием выявления той или иной окрашенности единиц текстов (строки, строфы, предложения, абзаца) полагается отношение актуальной частотности звукобукв в тексте к их средней частотности в речи. Значительное превышение первой над второй у отдельных графонов, соответственно, свидетельствует о сознательном или интуитивном «педалировании» того или иного цветового тона, синестетически связанного с тоном эмоциональным. Чрезвычайно интересным оказывается вывод об особой цветовой палитре сакральных текстов: православной молитвы и буддийской мантры. Их хроматизм сводится к доминанте синего цвета, что хорошо согласуется с эмоциональным вектором спокойствия, умиротворенности и расслабления. Жаль, однако, что этот вывод делается на основе только двух текстов: «Отче наш» и четырехсловной мантры «Ом мани падме хум». Другие молитвы и мантры, как, кстати, и английские сакральные тексты (что напрашивается после сравнительного анализа русско- и англоязычных звуко-цветовых картин мира), по-видимому, не анализировались.

Наиболее ярко звуко-цветовые соответствия должны по определению проявляться в художественных текстах, особенно в поэзии. Поэтому совершенно логично исследовательский фокус Л.П.Прокофьевой направляется на произведения известных авторов, преимущественно русских. В данном случае целью анализа является не только выяснение того, в какие цвета художник «окрашивает» то или иное свое творение, но и того, насколько читатель «резонирует» авторскому звуко-цветовому замыслу. Сопоставляя результаты компьютерного анализа произведений с аудиторскими реакциями, Л.П.Прокофьева склонна считать их в общем соответствующими. Только при более приближенном рассмотрении

результатов неизбежно появляются вопросы. Так, например, стихотворение А.Блока «Так жизнь прошла...», «пропущенное» через компьютерную программу, «раскрасилось» построфно в бело-желто-красно-синюю гамму, тогда как результирующей утверждается черно-синяя окрашенность. С другой стороны, при сопоставлении автоматизированной оценки с аудиторской обнаруживаются параллели: цвет текста обобщен как «синий» vs. «бело-синий». Уже не упоминая про желтый и красный цвета, Л.П.Прокофьева вновь настаивает на том, что окончательное схождение результатов компьютерного и аудиторского анализа происходит в черно-синих тонах (стр.192-194). Аналогичные вопросительные знаки появляются и в интерпретации прочих приведенных текстов.

Все эти частные вопросы, тем не менее, не только не подвергают сомнению существование самого объекта — звуко-цветосимволизма, но, напротив, стимулируют новые поиски в этом направлении и новые подходы.

В 1982 г. в российской фоносемантике происходит новое событие – появление научного труда Станислава Васильевича Воронина «Основы фоносемантики» (Воронин 1982). Исходя из звукоподражательных (ономатопеических) образований 250-ти языков, ученый обнаруживает основные типы звучаний действительности (денотатов) и их коррелятов в фонетическом пространстве языков. Так же, как и В.В. Левицкий, ученый опирается на дифференциальные признаки звуков, такие как взрывность, сонорность, лабиальность, задне-(передне-)язычность, верхне-(нижне-)рядность и т.д. Учитывая вариативность в фонологических составах различных языков, автор вводит термин «фонемотип» (в позднейших работах – «фонотип»), представляющий собой инвариантную единицу по отношению к фонемам, сходным по какому-либо артикуляционному или акустическому признаку. По сравнению с предыдущими исследованиями в истории фоносемантики, С.В. Воронин обращает внимание не только на отдельные фонемы или дифференциальные признаки, но на корневые («канонические») модели типа CVC, VCC, CCV, VCV и т.д., обозначающие те или иные типы внешних звучаний. С точки зрения дифференциации акустических параметров звуков действительности (инстанты, континуанты, фреквенталии их разновидностей) и их соотносительности с фонетическими возможностями языка, это, пожалуй, наиболее скрупулезный анализ фоносемантических соответствий. Главным теоретическим тезисом работы С.В. Воронина является объединение понятий звукоподражания и звуко-символизма как двух естественных составляющих одного языкового процесса – звукоизобразительности, которая служит основой для происхождения и развития языка («примарная генетическая мотивированность»). Здесь угадываются нити, ведущие от Платона и В. фон Гумбольдта, но уже на новом научном витке.

Тема примарной генетической мотивированности языкового знака С.В. Воронина получает последовательное развитие в нашей концепции «фоносемантического поля» (Михалёв 1995). Обобщив опыт всей предыдущей многовековой традиции в проблематике звукосемантики и подведя семиотические, психологические, психофизиологические и лингвистические основания фоносемантической сущности языка, мы выявили полевой принцип фоносемантического феномена. Таким образом, оказывается, что звукоизобразительность – это не частный случай в устройстве языка, некий изолированный островок, а закон, определяющий происхождение, развитие и функционирование языка. Смысл концепции заключается в том, что речевые звуки обладают богатым символическим потенциалом для обозначения как звучащей, так и незвучащей действительности. Этот потенциал обеспечивается вариативностью акустико-артикуляционных параметров звуков и механизмом синестезии. Заимствовав у С.В. Воронина понятие «фонемотип», мы придаем ему новое содержание: будучи не только формальным инвариантом для фонем, эта единица представляет собой фоносемантическое единство, способное в различных словопостроениях реализовать один из своих символических потенциалов и, следовательно, направлять дальнейшую семантику слова. Так, например, фонемотип [Б/П] по своим звукоподражательным возможностям может изображать взрывные, бьющие, булькающие звуки; по артикуляционно-символическим – «удар вообще», «объемное», «раздутое», «речевую деятельность»; по синестетическому развитию – «округлое», «полное», «большое» и т.д. Все эти гипотетические значения находят свое подтверждение в аналогичных семантических разрядах лексики, содержащей в начальной позиции звуки [б] или [п].

Постулирование фонемотипа как виртуальной единицы, инвариантной для фонем, привело к мысли о существовании на этом же метауровне единицы, являющейся инвариантом для морфем – *морфемотипа*. Морфемотип – это обобщающая модель для различных вариаций не только корневой морфемы, но и фонематического варьирования в пределах фонемотипа (Михалёв 1995, 71-72). Другими словами, если корневая морфема представлена структурой CVC, то в качестве первого элемента морфемотипа выступает определенный фонемотип (например, R, или дрожащий), вторым элементом может быть любой гласный (вплоть до нулевого), третий элемент – тоже фонемотип (например, спирант в виде фонем /з/, /с/, /ж/, /ш/, /х/). Открытие заключается в том, что такая метаструктура имеет свой план содержания, схематически напоминающий семантику морфемы. Совершенно не родственные корни при условии подпадания под фонемотипический класс образуют определенную семантическую структуру. Анализ слов, вписывающихся в модель морфемотипа [R-V-Спирант], обнаружил следующую семантическую

структуру (пространство): в звукоизобразительном ядре – «удар», «резать», далее связанные с ним семантические поля: с одной стороны, «разделение» → «распространение» → «увеличение» → «высшая степень» → «результативность», с другой стороны, «уничтожение» → «воздействие», с третьей, «чертить» → «изображение» → «формирование» (с.72). Примечательно то, что семантическая структура одного и того же морфемотипа в разных языках (не обязательно родственных) выглядит достаточно похоже. Иллюстрация материала 4-х языков (русского, английского, французского и арабского) может служить красноречивым подтверждением этой гипотезы (Михалёв 1995, с.160-202; Mikhalev 1999).

Межъязыковые исследования семантики начальных согласных, фонестем, а также и конечных фонестем (рифм) (Михалёв 2007а; 2007б; 2008а; 2008б; 2008в; 2009а; 2009б) обнаружили явные закономерности структурирования фоносемантических полей и, шире, фоносемантических пространств. Оказалось, что всё многообразие лексической семантики можно свести к довольно ограниченному числу ядерных (предположительно в генетическом смысле) значений, которые мы называем «семантическими прототипами», такими как РЕЗАТЬ, БИТЬ, СЖИМАТЬ, ОКРУГЛОЕ, ОСТРОЕ, ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ и некоторыми другими. Эти значения обладают очень широкими порождающими способностями, что наблюдается как в синхроническом аспекте полисемии, так и в диахронических семантических переходах. К тому же все они относятся к разряду звукоизобразительных, что доказывает их изначальный прототипический статус. Таким образом, фоносемантическое пространство того или иного языка складывается из фоносемантических полей, представляющих собой семантические системы, интегрированные мельчайшими единицами языка — фонемами или дифференциальными признаками.

Аргументировать взаимосвязи между значениями в рамках фоносемантического поля и пространства можно не только при помощи данных полисемии и этимологии. В «Теории ФСП» (Михалёв 1995) мы предлагаем рассматривать значение системно, вместе со всеми его связями с другими значениями — валентностями. Тогда способность значения образовывать множество связей мы называем его «поливалентностью», а саму совокупность этих связей «семантическим гнездом» (стр.100-106). Для того, чтобы установить все семантические валентности некоего значения, т.е. описать его семантическое гнездо, предлагается методика сплошного сканирования словаря: производится поиск данного значения во всех встреченных полисемических цепочках. В результате весь набор значений, присутствующих в этих цепочках, и образует семантическое гнездо искомого значения. Возвращаясь к теме «семантических прототипов», мы склонны предполагать, что именно эти значения обладают наиболее разветвленными системами семантических гнезд, пронизывая всё семантическое пространство языка. Думается, что статистическое исследование

поливалентности значений языка сможет внести ясность в подобное предположение.

Продолжение фоносемантических идей С.В.Воронина отчетливо прослеживается в докторской диссертации С.С.Шляховой «Фоносемантические маргиналии в русской речи» (Шляхова 2006) и ее монографии «Другой» язык: Опыт маргинальной лингвистики» (Шляхова 2005). Объектом исследования С.С.Шляховой, так же, как и у С.В.Воронина, является звукоизобразительная система языка, т.е. звукоподражание и звуко-символизм. Однако автор сосредоточивается на специфическом для языка феномене – ЗИ-единицах, статус которых в лингвистике не определен. В основном, это так называемые первообразные междометия с их производными, которые сохранили свою примарную мотивированность, в отличие от большинства слов естественного языка. С.С.Шляхова вводит для них обобщающий термин «фоносемантические маргиналии», реализующиеся в виде акустических и артикуляторных онома-топов, онома-топов говорения, слов-обращений к животным, подражаний голосам животных и птиц, различных разрядов звуко-символических слов. Будучи маргинальными по отношению к языковой системе, эти единицы оказываются ядерными для ЗИ-системы, а, следовательно, постулируются как «колыбель» языка, первые протослова.

Исследование С.С.Шляховой обладает очень широким спектром охвата. ФМ-единицы описываются в типологическом аспекте по структурным, денотативным, семантическим, функциональным критериям, определяется их место среди био-, фоно- и семио- сфер, формулируется понятие «другого» языка с его свойствами и сферами бытования, наконец, серьезное внимание уделяется системной организации ФМ в свете современной научной картины мира. Опыт анализа такого специфического явления в языке, как ФМ-системы, наводит автора на мысль о возможности выделения нового раздела языкознания – маргинальной лингвистики с ее собственным предметом и методами. Научный труд С.С.Шляховой удачно сочетает высоко теоретические обобщения, основанные на данных из разных научных отраслей (философия, физика, метафизика, психология, психиатрия и т.д.), с конкретно лингвистическим материалом, представляющим несомненный интерес для самой широкой аудитории ученых-языковедов: это и иллюстрация многозначности однофонемных ФМ, и презентация синкретизма «движение – говорение», «физиологическая реакция, эмоция – коммуникативная реакция», и систематизация этимологической семантики онома-топов, и демонстрация словообразовательного и семантического потенциала ФМ, и предложение модели семиотизации ФМ, и любопытные примеры детской, религиозно-магической и фольклорной заумы, и т.д., и т.д.

Большинство рассмотренных выше психолингвистических и лексико-семантических исследований не обходятся без элементов статистического

анализа для обоснования тех или иных звуко-символических тенденций языков. Выводы, подкрепленные численными показателями, приобретали, таким образом, более-менее достоверный характер. Одна из последних по времени работ В.В.Левицкого — «Семантические и фонетические связи в лексике индоевропейского праязыка. Опыт квантитативного анализа этимологического словаря» (Левицкий 2008) — представляется выдающимся дерзновением автора «поверить алгеброй гармонию», продолжая подход, отработанный десятилетиями на разнородном материале. Задача, поставленная ученым, заключается в проверке ряда гипотез о формально-семантических связях индоевропейского корневого фонда, а именно: 1) о связях между семантическими единицами, 2) между формальными единицами, 3) между формальными и семантическими единицами.

Известно, что этимологические толкования, несмотря на строгость сравнительно-исторического метода, носят довольно субъективный характер. Тем не менее, они могут рассматриваться как версии, которые ждут своего подтверждения или опровержения с помощью какого-то иного метода. Как справедливо считает В.В.Левицкий, такая проверка возможна с применением статистических методик. Он, в частности, использует три вида статистического анализа: корреляционный анализ, критерий χ^2 и коэффициенты сопряженности (коэффициент Бернулли Φ и коэффициент Чупрова K). Первый нацелен на выяснение степени связи между явлениями и на характер такой связи (положительная или отрицательная корреляция) (с.13). Получаемый корреляционный коэффициент, однако, может быть и случайной величиной, нуждаясь, в свою очередь, в коэффициенте доверия, или коэффициенте надежности. Критерий надежности подразумевает, во-первых, уровень значимости, который в лингвистике считается достаточным при значении $P = 0,05$, и, во-вторых, число степеней свободы (число независимых величин, участвующих в образовании того или иного параметра) (с.14). С помощью критерия χ^2 (хи-квадрат) исследуется соответствие или различие между теоретически ожидаемыми и эмпирическими частотами проявления признаков, а также наличие или отсутствие связи между признаками (с.14-15). Но поскольку сумма хи-квадрат свидетельствует лишь о наличии или отсутствии такой связи, ее степень определяется с использованием коэффициента взаимной сопряженности (с.15). Все статистические подсчеты выполнялись с помощью специальных компьютерных программ.

В результате проведенных таким образом исследований В.В.Левицкому удалось прийти к следующим интересным выводам (мы ограничимся лишь самыми общими выводами, отсылая читателя к самому первоисточнику).

1. В семантическом аспекте выявлены сверхсильные связи между гиперсемами [разъединять], [соединять], [гнуть], [движение] и [звук] (с.51), а также сильные, средние и слабые связи этих гиперсем с другими

гиперсемами и значениями семантического пространства индоевропейского языка (с.51-63). В интерпретации ученого эти пять гиперсем по количеству связей обладают ядерным статусом в семантическом пространстве. Количественный анализ в большинстве случаев подтвердил теоретические ожидания и предшествовавшие интуитивные наблюдения ряда исследователей этой области. Интересны, однако, и случаи несоответствия «здоровому смыслу». В качестве одного из примеров такого несоответствия автор приводит группу гиперсем, объединенных сильными связями - [причинять вред], [охранять, окружать], [хватать], [воспринимать], [спокойный, неподвижный], [гореть], пытаясь найти им обоснование через опосредованные связи с другими гиперсемами. По нашему мнению (которое мы высказали в рецензии на эту книгу), объяснение их совместимости может быть и проще, если предположить центром этого семантического ряда гиперсему [хватать]. Это действие обладает обширным перечнем признаков, обеспечивающих переход к любой из приведенных гиперсем: «хватать» («брать») > «воспринимать»; «хватать» («душить») > «причинять вред»; «хватать» («сжимать, обездвиживать») > «спокойный, неподвижный»; «хватать» («охватывать») > «гореть» (с.218-219).

2. В аспекте фонетической частотности (в начальной позиции слова) В.В.Левицкий устанавливает наиболее и наименее часто появляющиеся согласные и гласные звуки. Среди согласных приоритет принадлежит (в порядке убывания частотности) *s, k, bh, u, m, l, t, p, gh, dh*. К наиболее редким начальным согласным относятся (в порядке возрастания частотности) *g^h, k^u, b, i, n, g^u* (с.96-102). Наивысшая частота среди гласных принадлежит *a*, далее следует *o*, и с большим отрывом от них отстает *e* (с.120).

3. В фонетико-семантическом аспекте автору удается статистически обнаружить семантический потенциал каждого звука, т.е. его предпочтительные связи с тем или иным семантическим классом. Так, например, для начального *bh* характерен следующий набор гиперсем: [разъединять], [движение], [звук], [блестеть], [запах], [вкус], [набухать], [расти] (с.105). Число связей звука с семантическими классами В.В.Левицкий называет «широтой семантического потенциала», а степень превышения эмпирической частоты над теоретически ожидаемой «величиной семантического потенциала». При этом статистический анализ показал, что звуки, обладающие наименьшей широтой семантического потенциала, демонстрируют наибольшую величину семантического потенциала. Кроме того, установлена прямая пропорциональная зависимость между частотой звука и числом его семантических связей (широтой семантического потенциала) (с.108).

Помимо фоносемантических выводов статистическая методика позволила В.В.Левицкому выдвинуть и предположения относительно деривационных фонеморфологических процессов в индоевропейском

праязыке. В частности, автор считает, что на ранней стадии лексический фундамент был представлен элементарными звукокомплексами с начальными *bh, dh, gh, g, d* в сочетании с некоторым нейтральным гласным. Эти элементарные звукокомплексы расширились с помощью сонантов *r, l, m, n, i, u*, обладавших ярко выраженными звукосимволическими (звукоизобразительными) значениями. Особое место среди элементарных корней предположительно занимали два комплекса — с начальным *bh*- и начальным *s*- (с.200-201).

Подобные выводы существенно раздвигают рамки знаний, достигнутых путем сравнительно-исторического метода, погружая на глубину раннего индоевропейского периода. Смеем предположить, что апробированная комплексная методика В.В.Левицкого, окажется релевантной и для верификации ностратической гипотезы.

За всю многовековую работу по выявлению звуко-смысловых соответствий накоплен уже богатый фоносемантический опыт (более 1000 источников). В принципе существование во всех языках феномена звукоизобразительности не подвергается сомнению. Исследования этого аспекта в широком круге языков приводят к выводу о значительной доле слов, первично мотивированных звукоподражанием или звукосимволизмом. Сочетание лексико-семантических, психолингвистических и статистических методов убедительно свидетельствует о ведущей роли принципа звукоизобразительности и, шире, иконизма в становлении и функционировании языка.

Библиографический список:

Античные теории языка и стиля (антология текстов) [Текст] / Общ. ред. О.М. Фрейденберг. – СПб.: Алетейя, 1996. – 362 с.

Воронин, С.В. Основы фоносемантики [Текст] / С.В. Воронин. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1982. – 244 с.

Вундт, В. Душа человека и животных. Лекции. Т.1-2 [Текст] / В.Вундт. – СПб., 1865-1866.

Вундт, В. Индивидуум и общество. Речь, произнесенная 23 апреля 1891 г., в день рождения короля саксонского Альберта, в Лейпцигском

университете / Пер. с нем. [Текст] / В.Вундт. – СПб,: Типо-лит. А. Рабиновича и Ц. Крайза, 1896.

Газов-Гинзберг, А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? [Текст] / А.М. Газов-Гинзберг. – М.: Наука, 1965. – 184 с.

Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.

Журавлев, А.П. Фонетическое значение [Текст] / А.П. Журавлев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1974. – 160 с. с прил.

Левицкий, В.В. Звуковой символизм. Основные итоги [Текст] / В.В.Левицкий. — Черновцы, 1998. – 130 с.

Левицкий, В.В. Семантические и фонетические связи в лексике индоевропейского языка. Опыт квантитативного анализа этимологического словаря [Текст] / В.В.Левицкий. – Черновцы: Рута, 2008. – 232 с.

Лейбниц, Г.В. Новые опыты о человеческом разуме [Текст] / Г.В.Лейбниц. – М., 1936. – 484 с.

Ломоносов, М.В. Краткое руководство к красноречию [Текст] / М.В.Ломоносов // Соч. в 10-ти т. / т.7. — М.-Л., 1952. — С.89-378.

Михалёв, А.Б. Теория фоносемантического поля [Текст] / А.Б.Михалёв. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1995. – 213 с.

Михалёв, А.Б. Проблема звукоизобразительности во французской лингвистике [Текст] / А.Б.Михалёв // Вестник ПГЛУ, №№1-2, 1997. — С.25-31.

Михалёв, А.Б. Инициаль и финаль как смыслообразующие компоненты корня [Текст] / А.Б.Михалёв // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Материалы V Международного конгресса. Симпозиум X “Теоретические и прикладные аспекты исследования языков”. – Пятигорск, 2007а. – С.28-30.

Михалёв, А.Б. Семантические прототипы [Текст] / А.Б.Михалёв // Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В.Г.Гака. – М.: ЛЕНАНД. 2007б. – С.383-388.

Михалёв, А.Б. Проблема категоризации (фоносемантический ракурс) [Текст] / А.Б.Михалёв // Problems of General, Germanic and Slavic Linguistics.Papers for 70-th anniversary of Professor V.Levickij. — Chernivtsi: Books — XXI, 2008а. – P.163-170.

Михалёв, А.Б. Красные нити лексической семантики (гиперсеммы РЕЗАТЬ и СЖИМАТЬ во французском языке) [Текст] / А.Б.Михалёв // Французский язык и межкультурная коммуникация. Материалы международной научной конференции. – Пятигорск. 2008б. – С.103-110.

Михалёв, А.Б. Психолингвистическая проблематика фонестемы [Текст] / А.Б.Михалёв // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. Материалы IV Международных Березинских чтений. – Вып. 14. – М., 2008в. – С.140-146.

Михалёв, А.Б. Фоносемантика и языковая картина мира [Текст] / А.Б.Михалёв // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. Материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). Вып.15. – М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009а. – С.133-140.

Прокофьева, Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное [Текст] / Прокофьева, Л.П. – Саратов: Изд-во Саратовского медицинского ун-та, 2007. – 280 с.

Черепанова, И.Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного [Текст] / И.Ю.Черепанова. — М., 1996.

Шляхова, С.С. «Другой» язык: Опыт маргинальной лингвистики [Текст] / С.С.Шляхова. – Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2005. – 346 с.

Шляхова, С.С. Фоносемантические маргиналии в русской речи [Текст] / С.С.Шляхова / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Пермь, 2006. – 41 с.

Allott, R. The Motor Theory of Language Origin [Text] / R.Allott. – Lewes, Sussex: Book Guild, 1989. – 359 p.

Allport, G. Phonetic Symbolism in Hungarian Words /Thesis [Text] / G.Allport. – Harvard University, Cambridge, 1935. – 377 p.

Brown, R.W., Black A. H., Horowitz A. E. Phonetic Symbolism in Natural Languages [Text] / R.W.Brown, A. H.Black, A.E.Horowitz // Journal of Abnormal and Social Psychology, 50, 1955. — P.388-393.

Chastaing, M. L'opposition des consonnes “sourdes” aux consonnes “sonores” a-t-elle une valeur symbolique? [Text] / M.Chastaing // Vie et Langage, 147, 1964.- P.367-370.

Etzel, S. Untersuchungen zur Lautsymbolik / Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie im Fachbereich Neuere

Philologien der Johann Wolfgang Goethe [Text] / S.Etzel. – Universität zu Frankfurt am Main, 1983. – 257 S.

Fox, C. W. An Experimental Study in Naming [Text] / C.W.Fox // American Journal of Psychology, 47, 1935. – P. 545-579.

Gabelentz, G. von. Die Sprachwissenschaft: Ihre Aufgaben, Methoden und bisherige Ergebnisse [Text] / G. von Gabelentz. – Leipzig, 1891. – 289 S.

Köhler, W. Gestalt Psychology [Text] / W.Köhler. – New York: Liveright, 1929. – 380 p.

Magnus, M. The Gods of the Word: Archetypes in the Consonants [Text] / M.Magnus. – Kirksville: Thomas Jefferson University Press. MO. 1998. – 357 p.

Magnus, M. A Dictionary of English Sound. <http://www.trismegistos.com>. 1999.

Magnus, M. What's in a Word? Evidence for Phonosemantics [Text] / M.Magnus. – University of Trondheim, Trondheim, 2000. – 360 p.

Mikhalev, A. Phonosemantic Space as a Language Universal [Text] / A.Mikhalev // 12-th World Congress of Applied Linguistics, AILA.- Tokyo, 1999. Abstracts.

Natadze, R. Problèmes de la psychologie du langage dans les travaux des psychologues de Georgie [Text] / R.Natadze // Bulletin Psychologique, 1966. – P.661-672.

Newman, S. Further Experiments in Phonetic Symbolism [Text] / S.Newman // American Journal of Psychology, 45, 1933. – P.53-75.

Sapir, E. A Study in Phonetic Symbolism [Text] / E.Sapir // Journal of Experimental Psychology, 1929, №12. – P.225-239.

Tsuru, S., Fries, H.S. Sound and Meaning [Text] / S.Tsuru, H.S.Fries // Journal of General Psychology, 8, 1933. – P.281-284.

Usnadze, D. Ein experimenteller Beitrag zur Problem der psychologischen Grundlage der Namengebung [Text] / D.Usnadze // Psychologische Forschungen, 5, 1924. – P.25-43.

Weiss, J.H. Phonetic Symbolism Reexamined [Text] / J.H.Weiss // Psychology Bulletin, 61, 1964. – P. 454-458.

[\[1\]](#) Интересно, что современный корейский алфавит (хангыль) построен именно по символическо-артикуляторному принципу (ЛЭС: 241).